

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСЕ РЕШАЕТ САМ

До 18 лет он писал картины, нигде не участь. Страсть к рисованию была столь велика, что его буквально трясло от того, что он не мог достать масляные краски. Но однажды он развесил все свои картины, посмотрел на них внимательно, потом вынес во двор и сжег. Так в нем умер художник, но родился режиссер, с его склонностью к яркой театральности. Правда, об этом он узнал позже... Итак, знакомьтесь: Станислав Гаудасинский, лауреат Государственной премии, народный артист России, художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра оперы и балета им. М. Мусоргского, член Санкт-Петербургского Английского клуба

– Вы давно в этом театре, Станислав Леонович?

– В январе 2000 года исполнилось ровно 20 лет, как я здесь. После окончания вокального факультета консерватории я начинал работать в Мариинском театре как певец. Потом опять поступил в консерваторию, но уже на режиссерский факультет и стал пробовать себя как режиссер и постепенно совсем перешел в режиссуру. Сначала был ассистентом у Романа Тихомирова, потом мы с ним ставили спектакли по стране, а затем я уехал главным режиссером Одесского оперного театра, где проработал три года. И оттуда уже я перешел работать сюда.

У меня была задача – создать в театре исторический пласт русской оперы, начиная с языческих традиций – через «Снегурочку», «Князя Игоря», потом – через «Бориса Годунова», «Хованщину» – и до «Петра Первого» Андрея Петрова. Получилась такая антология России в опере. И сейчас мы почти все это держим в репертуаре. До моего прихода в театр его оперная труппа никогда не гастролировала за границей. В 1984 году состоялись наши первые зарубежные гастроли, прошедшие с большим успехом, и с тех пор мы уже объехали весь мир.

– Я знаю, Вы еще преподаете в консерватории...

Открытие сезона Английского клуба в Меншиковом дворце

– Да, лет 15 заведую кафедрой подготовки режиссеров музыкального театра. За время существования нашего факультета, с 1936 года, было выпущено всего чуть более двухсот специалистов, и из них человек 60 стали главными режиссерами оперных театров страны. Это довольно сложный факультет, с очень емким образованием. У меня на кафедре всего 21-22 студента, а преподавателей – 34. Слава Богу, наше государство пока еще находит деньги на то, чтобы воспроизводить этот «штучный товар» для будущего России.

– Какими качествами надо обладать, чтобы стать хорошим оперным режиссером?

– Высоким профессионализмом. Как у нас говорят, нужно хорошо уметь читать ноты «вверх ногами». Режиссер должен прекрасно ориентироваться в литературе и изобразительном искусстве, чтобы работать с драматургом и художником на равных. А еще – обладать организаторскими способностями, чтобы руководить таким сложным механизмом, как музыкальный театр.

– Вы бываете диктатором?

– В театре невозможно не быть диктатором, но этот диктат должен быть прежде всего с точки зрения художественной. Тогда это создает атмосферу творчества, необходимую в театре. У нас, например, климат рабочий, самоотверженный, все работаем дружно.

– У вас бывали провалы?

– Нет. Провальным может стать спектакль сугубо экспериментальный. Но сначала нельзя было ставить такие спектакли, потому что нами жестко руководили. А потом, когда стало можно ставить все, что угодно, то оказалось, что ты не имеешь права тратить деньги на рискованный эксперимент. Ты должен работать наверняка. Поэтому линия академического театра у нас развита, как нигде сильно. Это первое. И второе – мне удалось создать в театре труппу певцов-актеров – и этим я горжусь. Все отличают актерский уровень нашего театра.

– А ваша супруга, знаменитая певица Ирина Богачева, когда-нибудь пела в ваших спектаклях?

– У нас есть такая практика – приглашать известных в мире певцов, чтобы «усилить» труппу. Таким образом, мы приглашали и Ирину выступить с нами на очень ответственных зарубежных гастролях.

– У вас не бывало разногласий с женой по поводу трактовки роли или другим профессиональным вопросам?

– Нет, потому что когда человек талантлив, он все воспринимает грамотно, с точки зрения профессии.

– А часто совпадают ваши взгляды на ту или иную постановку?

– Почти всегда, ведь мы воспитанни-

ки одного эстетического направления и одной школы – учились вместе на вокальном факультете, на одном курсе. У нас был очень сильный курс – Образцова, Богачева, Нестеренко. Правда, из всех этих певцов один я стал режиссером, остальные успешно поют до сих пор.

– А во сколько лет Вы пришли в консерваторию?

– Я учился в политехническом институте и поступил в консерваторию в 21 год. Год пытался совмещать, но потом бросил политех и остался в консерватории. Но фундаментальную техническую базу я имею, и поэтому мне очень легко. Я хорошо читаю чертежи, понимаю все технические проблемы, и для меня это не сложный элемент внутри театра.

– А музыкального образования у Вас до этого не было?

– Было. Я учился играть и на виолончели, потом, правда, бросил, занялся спортом. Семья у меня была не музыкальной: мама – экономист, отца не стало в 37 году, как и у многих. Но дед, между прочим, был дирижером полкового оркестра, так что, может, где-то генетически это на мне и сказалось.

– А пока Вы с Ириной оба были певцами, вы ревностно относились к успехам друг друга?

– Нет, никогда. Тем более, что ревностно мог относиться только я, потому что у нее все складывалось лучше, и она сразу стала звездой. А я как-то никогда не относился с завистью к успехам коллег, меня миновала эта участь. С молодости я запомнил слова моего учителя: «Никогда не завидуйте никому, потому что у вас не останется времени, чтобы остаться собой». Он был прав. И теперь эти же слова я говорю своим студентам

– Вы коренной петербуржец?

– Нет, я закончил школу в Новгороде, приехал в Ленинград учиться и так и остался здесь. Очень люблю Петербург, хотя несколько лет назад мы переехали с Ириной жить за город, ближе к природе, а дочке отдали свою городскую квартиру. Я сам придумал и построил себе дом. У нас там три замечательных собаки, ласковые и верные друзья, и преданные

охранники, которые безоговорочно могут умереть за хозяина.

– И кто у них вожак?

– Я! Во всем доме – я.

– Ваша дочь тоже музыкант?

– Да, она пианистка, дипломант международных конкурсов. Закончила аспирантуру и сейчас преподает в консерватории класс аккомпанимента, и выступает с инструменталистами, певцами, и со своей мамой, в частности. У нас уже есть внучка, которой год и три месяца.

– Она уже была у Вас в театре?

– Нет. И пока не нужно. Наша дочь воспитывалась в театре, и это плохо. Потому что для того, чтоб театр поразил, надо попасть в него не с «закулисья» и не очень рано – лет в 7-8. Я, правда, попал в музыкальный театр поздно, в 14 лет. Смотрел «Вольный ветер» Дунаевского, и это соединение музыки со словом так меня поразило, что когда там мама спрашивает Фому и Филиппа: «Жива ли моя дочь?!», я вскочил и стал кричать: «Жива! Жива!» К сожалению, дети, которые вырастают в театре, никогда не получают такого эмоционального потрясения.

– Вы часто смотрите текущий репертуар?

– Ежедневно. Я должен сказать соли-

Я все делаю сам.
И шашлыки в том числе

стам, где они допустили ошибки, в чем они, и если бы не имел этой информации лично, а мне бы кто-то ее рассказывал, то мне бы не удалось руководить театром и иметь репутацию человека, который определяет художественный ценз в театре и всё решает сам.

– Наверное, Вы знаете наизусть неимоверное множество спектаклей?

– Да почти всё я знаю, что существует в мире в области оперного театра, а свои спектакли, конечно же, – досконально.

– Они Вам не снятся?

– Мне снится то, что я еще не поставил...

В гостях у Гаудасинского побывала
Елена ЦЫГАНКОВА

С двумя Яковлевыми в театре:
губернатором и вице-губернатором